

НА СЛУЖБЕ У КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ

Б. СИНИЦЫН

Кандидат экономических наук

НЕИСТОВАЯ пляска неоновых огней. Ярко освещенные витрины универсальных магазинов, дорогих ресторанов и ночных кабаков. Ультрамодернистские отели. Шикарные американские лимузины... Бездомные семьи, ночующие под мостами и на тротуарах улиц. Толпы безработных. Оборванные дети, вымаливающие подаяния... Таков с первого взгляда сегодняшний Сеул, своеобразная витрина «свободного мира» в Азии, вотчина большого долларового бизнеса и крупных южнокорейских дельцов.

Какая же сила порождает эту социальную пирамиду? Имя ее — «свободное предпринимательство». Бурный рост южнокорейской буржуазии происходит в несколько своеобразных условиях — на базе «совокупного» государственно-монополистического капитала, подкармливаемого систематически долларовыми субсидиями. Южная Корея — наглядный пример усиленных попыток неокOLONиализма США на править подчиненную ей страну по капиталистическому пути. Укрепляя южнокорейскую буржуазную элиту, США тем самым расширяют там свою социальную опору.

После военной разрухи 1950—1953 годов южнокорейский национальный капитал был крайне распылен, экономическая роль его была ничтожна. Даже немногочисленные представители крупной буржуазии не имели значительных денежных средств. Формируясь и развиваясь в условиях колониального режима, южнокорейская буржуазия не смогла накопить ни достаточного опыта самостоятельного управления крупными предприятиями, ни необходимых административно-технических знаний. Все это некоторое время удерживало южнокорейскую буржуазию от капиталовложений в сферу производства. Торговые спекуляции были гораздо менее рискованны и, безусловно, прибыльнее. Однако после проведения аграрной реформы, которая подорвала экономические и политические позиции феодалов, а также упрочения госкапиталистического сектора южнокорейская буржуазия начала проявлять повышенный интерес к инвестициям в промышленной области.

Ныне в результате американской «помощи» сфера деятельности южнокорейского госкапитализма довольно обширна, она охватывает многие отрасли экономики как в сфере производства, так и в сфере обращения. Согласно последним данным южнокорейской статистики, предприятия правительственной компании «Тэхан сокхан» обеспечивают около 50

процентов производства угля в стране. Другая правительственная компания «Тэхан чунсок хвеса» дает 95 процентов ежегодной добычи вольфрама. Предприятия горнодобывающей промышленности, контролируемые правительством, дают значительную часть добычи железной руды и золота. Одна правительственная компания распоряжается всем производством электроэнергии в стране.

Государству принадлежат основные предприятия черной и цветной металлургии, крупнейшие машиностроительные предприятия. Наконец, правительство создало важнейшие финансовые учреждения (государственный Корейский банк, Банк реконструкции) и контролирует внешнюю торговлю, транспорт, связь, существуют государственные монополии на соль, табак, жень-шень.

Государство, выступая как совокупный капиталист, мобилизует денежные средства налогоплательщиков (главным образом мелких), выпускает займы, получает ссуды в государственном эмиссионном банке. Таким путем южнокорейская буржуазия перекладывает на плечи трудящихся все бремя расходов по развитию энергетики, транспорта, связи, металлургии, машиностроения, то есть тех отраслей промышленности, которые требуют крупных вложений, не окупающихся длительное время.

Важный экономический рычаг в руках южнокорейского государства — американская «помощь». Она реализуется как в государственном, так и в частном секторе экономики Южной Кореи. Особенность этой реализации состоит в том, что капитальные вложения осуществляются государством (или под его контролем), в то время как частный сектор выступает преимущественно потребителем готовой продукции, а также сырья, топлива и т. п. В частном секторе государство организует специальные аукционы, на которых происходит распродажа товаров или долларовой валюты, поступивших в порядке «помощи».

Доходы от этой распродажи поступают на специальный счет так называемого эквивалентного фонда, из которого покрываются важнейшие государственные расходы. Так, например, в 1963 финансовом году из 2,5 миллиарда вон¹ эквивалентного фонда почти 60 процентов было израсходовано на военные цели, 20 процентов — на экономические и 19 процентов — на ссуды частному сектору.

¹ Вона равна 0,25 доллара.

Важная роль, которую играет американская «помощь» в экономике страны, а также контроль США за использованием этой «помощи» накладывают совершенно определенный отпечаток на всю физиономию государственного капитализма в Южной Корее. «Зависимый государственно-монополистический капитализм» (имеется в виду монополия государства, а не группы монополий. — Б. С.) — такую характеристику дает ему южнокорейский журнал «Сасанге» («Мир идей»).

Государственно-капиталистические мероприятия в Южной Корее отвечают интересам всей буржуазии, но проводятся и используются прежде всего крупной. Укрепление ее позиций шло двумя основными путями.

В 1949 году южнокорейские власти издали «Закон о распродаже возвращенного имущества» (так именуется бывшая японская собственность). Этим актом было положено начало передаче наиболее прибыльных промышленных предприятий в руки представителей крупной буржуазии и части обуржуазившихся помещиков, получивших выкуп за свои земли, отчужденные в ходе аграрной реформы. Предприятия распродавались на аукционе, где владельцы крупного капитала легко отесняли мелких покупателей. Желющие принять участие в торгах, проходили тщательную проверку, и кандидатура окончательно утверждалась специальной комиссией. Таким путем с торгов устранились нежелательные конкуренты, и предприятия продавались лицам, которые были особенно тесно связаны с государственно-чиновничьим аппаратом. Характерен конкретный пример продажи акций Сберегательного банка: покупатель должен был приобрести не менее 1240 акций, при распродаже Торгово-промышленного банка — не менее 3572 акций и т. д. Промышленный банк купил богатейший сахарозаводчик и текстильный фабрикант Ли Бён Чуль (в 1960 году он контролировал 11 предприятий).

В ряде случаев правительство вообще игнорировало закон: наиболее крупные и прибыльные предприятия передавались на основе специальных указов президента и попадали в руки заправил правящей Либеральной партии. Так были переданы текстильные фабрики в Тэгу, Пусанская текстильная фабрика, цементный завод в городе Самчхок и т. д. Выплата стоимости предприятия, как правило, задерживалась новым владельцем; при передаче предприятия на основе указа президента стоимость его занижалась.

Второй путь — использование американской «помощи». Организация долларовых аукционов обеспечивала преимущество крупному капиталу, ибо мелкие и средние предприниматели просто не в состоянии с ним конкурировать. Товары «помощи» могли быть приобретены в большинстве случаев только через посредника-спекулянта, который и задавал тон на аукционе. Отсюда и чрезвычайно высокая цена на внутреннем рынке на импортные товары, что ставило мелких и средних предпринимателей в крайне затруднительное положение, приводя к массовому банкротству.

Спекулянты-импортеры, на засилье которых постоянно жалуются мелкие и средние предприниматели, это не кто иные, как представители крупного торгового капитала. Существующая система государственных аукционов открыла им широкое поле деятельности. Во многих случаях правительство давало право крупным предпринимателям приобретать доллары по заниженному курсу (в 1,5—2 раза ниже обычного). Такими привилегиями пользовались предприниматели особо поощряемых отраслей

промышленности: хлопчатобумажной, сахароочистительной, мукомольной.

Итак, крупная промышленная буржуазия Южной Кореи широко использовала в своих интересах долларовую «помощь» США. Основной и оборотный капитал крупные предприниматели получили из рук американских монополий, причем на льготных по сравнению с другими слоями буржуазии условиях; укрепляя свои позиции, эта буржуазия попутно душил национальный капитал.

Практика распределения американской «помощи» была и остается основным источником политической коррупции. «Иностранная помощь играла главную роль во взаимоотношениях между политической и бизнесом», — отмечал журнал «Пэсифик афферс» весной 1964 года. Особенно неприглядная картина выяснилась в июле 1960 года во время судебного разбирательства грубой фальсификации президентских выборов в марте 1960 года. Огромная сумма, потраченная Ли Сын Маном на свою избирательную кампанию, была «подарена» ему представителями крупного торгово-промышленного бизнеса.

После падения Ли Сын Мана военная хунта с большой помпой объявила о своем намерении бороться с коррупцией. Однако созданный в этих целях специальный комитет вскоре был распущен, так как его члены оказались сами крупными взяточниками. Хунта вознамерилась было наказать лиц, незаконно наживших состояние. Так, например, крупнейшего предпринимателя Ли Бён Чуля обязали вернуть в казну 7,9 миллиона долларов. Однако, как сообщила южнокорейская газета «Хангук ильбо», «иностранные деловые круги рекомендовали хунте не убивать курицу, которая несет золотые яйца». Нынешний правитель Южной Кореи Пак Чон Хи ответил, что он «полностью осознает важность роли, которую играют лица, незаконно нажившие состояние, в экономике Корейской республики».

Очередной скандал разразился в сентябре 1963 года, накануне выборов так называемого гражданского президента. Обнаружилось, что Пак и его присные так обставили внеочередной долларовый аукцион, что 90 процентов суммы в 10 миллионов долларов попало в руки трех крупных промышленных фирм. Эта открытая дискриминация мелких предпринимателей была нужна для получения денежных средств на политическую кампанию. Одновременно, маскируя свои намерения, хунта объявила об изъятии у крупных торговцев 100 миллионов вон, как нажитых спекулятивным путем. Однако оппозиция утверждала, что эта сумма достигла пяти миллиардов вон. Уже после того как Пак стал «гражданским» президентом, оппозиция в Национальном собрании поставила вопрос об антигосударственной деятельности крупного бизнеса.

Таким образом, американские монополии не просто платят своим подручным за выполнение какого-либо задания, а формируют, выращивают особый социальный слой буржуазии внутри южнокорейского общества, который служит опорой их господства в стране, является их агентурой, проводником их политики. Этот особый социальный слой в Южной Корее образуется из крупной торгово-промышленной буржуазии, ревностно оберегающей интересы монополистов США. Что касается той части мелкой и средней (главным образом средней) буржуазии, которой перепадают крохи долларового пирога, то она не стала на путь сотрудничества с реакцией. Однако острота ее противоречий с крупным капиталом и американским империализмом, в известной мере сглаживается. В этом одна из причин ее политической пассивности.

Развитие капитализма в Южной Корее сейчас на такой стадии, когда проблема накопления капитала стоит чрезвычайно остро; постепенное накопление капитала происходит главным образом в отраслях легкой промышленности. Даже крупная буржуазия не обладает пока достаточными средствами, чтобы обойтись без помощи государства. Крайне неустойчивая экономическая и политическая ситуация порождает у нее, по словам зарубежной печати, чувство «недоверия к экономике», или, короче говоря, боязнь потерять свои капиталы. Поэтому и нынешние военные руководители Южной Кореи твердят о необходимости «сочетания твердого планирования», то есть государственного регулирования экономики, и «свободного предпринимательства».

В июле 1964 года южнокорейское правительство объявило о своем намерении постепенно продать все государственные предприятия. Даже если это намерение будет осуществлено, оценка южнокорейского госкапитализма останется прежней, ибо

это путь дальнейшего укрепления крупного капитала. Можно полагать, что несколько изменятся формы госкапитализма. Государство станет строить предприятия, передавая их затем частнокапиталистическому сектору.

Южнокорейский госкапитализм по своей сущности резко отличается от госкапитализма в нейтралистских странах Азии, где он направлен своим острием против империализма. Но даже в этих условиях монополии США поощряют далеко не все аспекты в развитии южнокорейской экономики. Так, строительство металлургических предприятий и второго завода химических удобрений, направленных на создание самостоятельной базы производства средств производства, финансировалось за счет внутренних ресурсов южнокорейского правительства. Однако в целом госкапитализм остается единственно возможной и в то же время удобной формой подчинения экономики Южной Кореи интересам монополистического капитала США.

КАРАТЕЛИ НА КАЛИМАНТАНЕ

В Малайзию, к границам Индонезии, перебрасываются английские боевые корабли, эскадрильи бомбардировщиков. В этом районе Юго-Восточной Азии сейчас находится уже 60 тысяч английских военнослужащих.

На снимке: Английские каратели, посланные на подавление национально-освободительного движения в бывших британских колониях на Калимантане.

